

Но сейчас погода стояла такая жаркая, что люди не могли обходиться без питьевой воды.

Бутилированная вода в маленьком городке стоила очень дорого — в несколько раз дороже, чем снаружи. Местные жители никак не могли позволить себе такую роскошь, чтобы покупать её каждый день, откуда у них столько денег.

Впрочем, на этот счёт люди заблуждались.

Поскольку горожане редко покупали бутилированную воду, владельцы магазинов держали её лишь для тех, кто отправлялся в экспедиции, а потому завозили совсем немного.

Но нашлись ушлые люди, которые неизвестно откуда пронюхали, что водопровод и шоссе не отремонтируют раньше чем через полмесяца или даже месяц. Они включили изворотливый умишка, решив сорвать лёгкий куш, и заранее скупили всю воду подчистую.

Так что теперь её невозможно было купить, даже если очень хотелось.

К счастью, правительство работало вполне сносно: каждый день по предъявлении удостоверения личности можно было бесплатно получить пятьсот миллилитров воды.

Процессом руководил чиновник в ранге начальника управления, а вот мэр, который в мирное время больше всех любил красоваться на публике, не показался ни разу.

Ван Юн не испытывал недостатка в воде, но всё же раз в день или два ходил получать свою норму.

Если не ходить вообще, кто знает, вдруг соседи подумают, что у него дома полно запасов.

Стоит общественному порядку рухнуть, и первым делом ограбят именно его.

Так прошло ещё дней семь-восемь. Водоснабжение так и не восстановили, правительство больше не справлялось, да и жители держались из последних сил.

Вода была нужна для всего — и чтобы готовить еду, и чтобы стряпать. То немного, что хранилось по домам, давно закончилось, а выдаваемой нормы катастрофически не хватало.

Хотя население городка было небольшим, речь всё же шла о нескольких десятках тысяч человек. При ежедневных выдачах водохранилище давным-давно обнажило дно.

Теперь взрослым выдавали лишь по триста миллилитров воды в день, а детям — всего по сто пятьдесят.

Спекулянты, почуяв удобный момент, подняли шумиху. Не прошло и полудня, как все жители городка уже знали, какая именно лавка торгует водой. Запасы были невелики, товар уходил влёт, и тем, кто опаздывал, ничего не доставалось.

Некоторые лишь презрительно фыркали на это, но куда больше людей бросались покупать воду.

Пусть даже цены казались безумно высокими, все продолжали тащить домой воду ящиками.

Ван Юн тоже заглянул туда и воочию убедился: за одну полулитровую бутылку минералки просили пятьдесят юаней — это был чистой воды грабёж.

Хозяин лавки вёл себя отвратительно и невероятно задира л нос. Когда кто-то попытался возмутиться баснословной дороговизной, его тут же оборвали: У меня вода стоит столько, хочешь — покупай, не хочешь — катись отсюда.

В такую жару человеческие нервы были на пределе.

Тот покупатель дошёл до белого каления и уже собирался распустить руки, но, к счастью, остальные люди, стоявшие в очереди, удержали его.

Делать нечего, сейчас воду продают только у них, придётся потерпеть.

Мужчина выглядел крайне недовольным, но всё же подчинился обстоятельствам: Дайте мне два ящика.

Торговец упёрся рога: Чего удумал, драться полез? Не буду я тебе ничего продавать, проваливай.

Покупателя снова публично унизили. Презрительно фыркнув, он развернулся и бросил напоследок: Сдалась мне ваша вода, не поверю, что в других местах её совсем нет.

Иди-иди, покупай в другом месте, не занимай тут зря место.

Стоявшие в очереди люди видели всё это, но хотя в душе они и возмущались высокими ценами, вслух не смели произнести ни слова — боялись, что им тоже откажут в продаже.

Ван Юн испытывал смешанные чувства. Эх, как же всё-таки на его родине!

Разве позволили бы там правительству сидеть сложа руки и разрешать кому-то взвинчивать цены? Окажись это в его стране, стоило бы только выставить такой лоток во время

чрезвычайной ситуации — мало того что товар тут же конфисковали бы, так ещё и заставили бы несколько дней куковать в полицейском участке.

Но кто же знал, что первые и вторые лица городка давным-давно сбежали, спасая собственные шкуры, и им вовсе не было дела до подобных мелочей.

Под напором толпы, устроившей настоящий ажиотаж, запасы воды испарились в мгновение ока. Какая-то пожилая женщина, которой не досталось ни капли, была вне себя от отчаяния. Она буквально умоляла окружающих, моля о пощаде, и слезно просила тех, кому повезло купить воду, продать ей хотя бы пару бутылок — дома голодали двое детей, пить им было абсолютно нечего.

Губы у неё потрескались, она то и дело судорожно облизывала их, а глаза безумно блестели при виде заветных бутылок. Выглядела она и впрямь жалко.

Какой-то парень сжалился над ней и уже собирался поделиться парой бутылок, как тут же оказался зажат в кольцо другими людьми — теми самыми, кому воды не хватило.

Внезапно парня толкнули, и бутылки со стуком покатились по земле. Поначалу ситуацию ещё удавалось контролировать: те, кто подбирал упавшее, возвращали воду владельцу. Но кто-то подал дурной пример, и начался хаос. Люди вцепились в бутылки мёртвой хваткой и бросились врассыпную.

В конце концов кто-то попытался вырвать из рук у самого парня те две бутылки, что он прижимал к груди. Ван Юн увидел это и горько усмехнулся, ведь отнимала воду та самая старуха, что минуту назад со слезами умоляла о жалости.

Ему-то самому ничего не досталось — воду с земли давно подобрали, и у паренька осталось лишь несколько бутылок в руках, но у него норовили отнять и их. Юноша, естественно, взбунтовался.

Между ним и старухой завязалась борьба.

Парню на вид было всего лет семнадцать-восемьдесят, откуда ему тягаться с силой бабки, привычной к тяжёлому труду. Не прошло и минуты, как старуха вырвала воду.

Совести у вас нет! Это моя вода!

Раз попало ко мне в руки, значит, моё! Ты же сам сказал, что продашь её мне, я тебе и деньги плачу. Старуха вытащила из кармана полтинник, швырнула его на землю и презрительно скривилась — от недавней угодливости не осталось и следа.

Парня от злости аж перекосило: Верни воду! — он выхватил из кармана складной нож и

направил лезвие прямо на старуху.

Та на мгновение опешила и испуганно отшатнулась, но, сообразив в чём дело, снова принялась хорохориться: И что, убить меня вздумал? Ты сам предлагал продать мне воду, все вокруг слышали, и деньги я тебе заплатила. Решил заднюю дать?

Приговаривая это, она пятилась назад, явно намереваясь сбежать.

Зеваки, толпившиеся вокруг, наперебой принялись уговаривать паренька убрать нож:

Ой, да ты же сам согласился ей продать, и деньги она отдала, успокойся уже.

И то верно, брось.

Но разве мог парень прислушаться к этим пустым разговорам? Заметив, что старуха собирается улизнуть, он впал в панику. Ван Юн мысленно выругался, почуяв неладное, и хотел было пробиться вперёд, чтобы остановить паренька и помешать ему наделать глупостей, но стоял на самом краю толпы и протиснуться внутрь никак не мог.

Когда он наконец прорвался сквозь ряды, было уже поздно.

Парень сделал резкий выпад вперёд и вонзил нож прямо в тело старухи. Белое лезвие вошло, красное вышло.

Убивают! Человек убил человека! — завопил кто-то, и площадь мгновенно погрузилась в мёртвую тишину.

Старуха, зажав живот руками, рухнула на землю, но пальцы её по-прежнему мёртво вцепились в те злосчастные бутылки. Парень застыл с окровавленным ножом в руке, его всего колотило, а взгляд был совершенно пустым.

<http://bllate.org/book/29734/3617841>